

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»: ОТ АЛЕАТОРИКИ ДО ПЕРЕОСМЫСЛИВАНИЯ ШОСТАКОВИЧА

М.А. Петина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет», Самара

Для цитирования: Петина М.А. Социальные контексты музыкальной культуры в эпоху «текучей современности»: от алеаторики до переосмысливания Шостаковича // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 23–28. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.23-28>

Поступила: 29.04.2020

Одобрена: 15.05.2020

Принята: 30.05.2020

■ Динамические процессы, происходящие в обществе, охватывают все меридианы деятельностных форм культуры, включая искусство. Социальная оптика повседневности показывает, что сегодня могут внезапно изменяться условия существования институций, ведущие за собой и смену способов существования человека, трансформации его места и привычных форм деятельности, приводя к непредвиденной смене перцепции, разрушая устоявшиеся ожидания и цели. Время в такой новой социальной онтологии теряет процессуальность и связность, превращаясь в разрозненные моменты, импульсы. Процессы творчества либо замирают, уступая место состояниям неясности, прострации, либо переходят в области освоения новой медиареальности, в публичную сферу цифровой среды и социальной коммуникации. Вышеописанные свойства современного социального мира позволили Зигмунду Бауману метафорически описать его как «текучая современность». Но если границы текучи и «проходят повсюду» (М. Бахтин), то встаёт глобальный вопрос о месте и положении культуры и, в частности, искусства.

В статье музыка как форма культуры рассматривается в отношении к социальной теории З. Баумана, а также упоминается Д.Д. Шостакович в контексте двусмысливания его творчества.

■ **Ключевые слова:** музыкальная культура; З. Бауман; «текучая современность»; время; пространство; Д.Д. Шостакович; алеаторика.

SOCIAL CONTEXTS OF MUSIC CULTURE IN THE EPOCH OF “CURRENT MODERNITY”: FROM ALEATORIC TO REFLECTING SHOSTAKOVICH

M.A. Petinova

Samara State Technical University, Samara, Russia

For citation: Petinova MA. Social contexts of music culture in the epoch of “current modernity”: from aleatoric to reflecting Shostakovich. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhya*. 2020;(3-4):23-28. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.23-28>

Received: 29.04.2020

Revised: 15.05.2020

Accepted: 30.05.2020

■ The dynamic processes taking place in society encompass all the meridians of activity-based forms of culture, including art. The social optics of everyday life shows that today the conditions for the existence of institutions can suddenly change, leading to a change in the way a person exists, transforming his place and habitual forms of activity, leading to an unexpected change in perception, destroying established expectations and goals. Time in such a new social ontology loses its processuality and connectedness, turning into isolated moments, impulses. Creativity processes either freeze, giving way to states of obscurity, prostration, or go into the development of a new media reality, into the public sphere of the digital environment and social communication. The above-described properties of the modern social world have allowed Sigmund Bauman to metaphorically describe it as “fluid modernity”. But if the borders are fluid and “pass everywhere” (M. Bakhtin), then the global question arises of the place and position of culture and, in particular, art. Time in such a new social ontology loses its processuality and connectedness, turning into isolated moments, impulses. Creativity processes either freeze, giving way to states of obscurity, prostration, or go into the development of a new media reality, into the public sphere of the digital environment and social communication. The above-described properties of the modern social world have allowed Sigmund Bauman to metaphorically describe

it as “fluid modernity”. But if the borders are fluid and “pass everywhere” (M. Bakhtin), then the global question arises of the place and position of culture and, in particular, art.

In the article, music as a form of culture is considered in relation to the social theory of Z. Bauman. And also mentioned D.D. Shostakovich in the context of the double meaning of his work.

■ **Keywords:** musical culture; Z. Bauman; “fluid modernity”; time; space; D.D Shostakovich; aleatorika.

Сегодня современный мир переживает, пожалуй, беспрецедентные социальные вызовы, которые очерчивают границы предшествующего края недавнего прошлого и нового настоящего, с его неясными и тревожными ожиданиями в будущем. Перед угрозой пандемии вся мировая культура замерла и приостановила все публичные практики взаимодействия, перейдя на социальные дистанции, изоляцию, поменяв привычные пространства и границы. Внешнее оцененное общественных процессов обернулось интроверсией внутренней активности, обнаруживая свою динамику и скорость в сфере цифровых социальных коммуникаций. Всё произошедшее, всё с большей силой требует нашего внимания, рефлексии и осмысления, разворачивает поиск ответов в область рациональных концепций о наличном бытии.

Если обратиться к метафорам З. Баумана о «текучести» социального мира, данное понятие связывается автором с качествами, присущими не твёрдым телам, а жидкостям. Соединяясь, данные субстанции не могут надолго удерживать форму, и даже, напротив, они стремятся к постоянному её изменению. Пространство и время как фундаментальные формы бытия, в данной размерности по-особому себя проявляют. Пространство теряет свои контуры, оно не удерживается в постоянстве изменений. А время, напротив, становится доминирующим ощущением, наиболее значимым. Обращаясь к сравнению жидких и твёрдых тел, Бауман перечисляет несколько ярких свойств жидкостей: «текут, проливаются, иссыкают, брызгают, переливаются, просачиваются, затопляют, распыляются, капают, просачиваются, выделяются» [2, с. 8], что позволяет ему утверждать о метафорической схожести перечисленных качеств и современных социальных процессов. Но если всё перетекает и переплавляется и ничто не имеет очерченных контуров, то что же происходит с современностью, если культура всегда мыслится в определённых границах. Как замечал М. Бахтин, каждое культурное действие осуществляется в границах, их присутствие делает событие значимым и устанавливает его в данном пространстве культуры. Если культурный акт теряет почву и границы, он теряет свое содержание и умирает [3, с. 25]. С чем же мы имеем дело?

Первое, что необходимо отметить в качестве устойчивого ощущения, — изменение положения человека в современном обществе, обречённого находиться в состоянии постоянной неопределённости, неуверенности, непрочности, скоротечности и неустойчивости своего социального положения. Данные характеристики выстраиваются из реальности повседневности, в которой, казалось бы, привычные и усвоенные правила и взгляды утрачивают свою эффективность, а нередко сбивают с толку, выступают препятствием для выстраивания социальных коммуникаций. Мир изменяющийся становится новой реальностью, с которым мы ежедневно вступаем в диалог.

Приведем несколько тезисов к характеристике текучей современности З. Баумана. Современная социальная ситуация, согласно Бауману, такова:

1. Как мы уже выше отмечали — это трансформация пространства и времени как социальных оптик реальности [2, с. 15]. Пространство активно расширяется за счёт его активного освоения, преодоления, пересечения. Мобильность, возрастающая в ходе развития технического прогресса, позволяет сокращать расстояния во времени, путешествовать на легке. И, кроме того, особым маркером выступает появление приоритета мобильности, кочевности над осёдлым образом жизни [2, с. 20]. «Быть подвижным, лёгким — признак прогресса и совершенства» — пишет З. Бауман [там же]. В данном описании замечаем, что пространство теряет ценность в качестве закреплённого «удельного царства», феодального владения в вечное пользование. Очевидно, что границы, заборы, барьеры становятся формальными, и, в целом, исчезают. Актуальность получает виртуальное цифровое пространство, без границ и контрольно-пропускных пунктов. Социальный мир переходит в дигитальную реальность электронных коммуникаций.
2. Скорость пронизывает мир человеческих отношений и время скоростных изменений становится актуальной потребностью, экономически востребованной наравне с привычными витальными ресурсами человека: деньги, знания, энергия и др. Скорость — категория эффективности распоряжения

временем, вызов успешности, своевременности принятых решений, его рационального распределения и экономического эффекта.

3. Выше обозначенные изменения трансформируют и область смыслов, ценностных установок. Прежние основания социальной размерности: неспешность, стабильность, оседлость уступают место хрупкости, быстротечности, уязвимости, дистопии и дезинтеграции [2, с. 1] социальных связей. На практике это проявляется в размножении вещей, их быстрой утилитарной сменяемости, одноразовости. В тенденциях к рециркуляции, старению, демпингу [2, с. 20] как условиям успешности в бизнесе, как пример механизма извлечения прибыли и роста капитала. В постоянном обновлении и перезагрузке программного обеспечения, технических устройств и т. п. В актуализации простых, мобильных сооружений, которые можно распечатать на 3D-принтере, собрать и разобрать, перенести в другое место, согласуясь с социальными целями и запросами настоящего времени.

И в этой связи, позиции, которые фиксирует Бауман в своей теории, говорят о наличии базовых противоречий. Так, для культуры как символического образования, в отличие от природы свойственны процессы не ускорения, а удержания («держания» М. Мамардашвили), взвешенного осмысления, пролонгированного решения, раздумья, что связано со сложным процессом мышления и формированием отсроченного, с задержкой ответа. Данное свойство сознания отличает человека от животных с их органическими быстрыми реакциями. И именно в данном значении Ж.Ж. Руссо говорил о человеке как об испорченном животном, по причине того, что человек размышляет. Ибо мысль требует приостановки, паузы. И нередко в условиях тяжести раздумий решение откладывается на неизвестно долгое и неопределённое время. Язык, миф, искусство, религия — нити, из которых сплетается сложная ткань человеческого опыта. Физическая реальность отдаляется от человека по мере того, как растёт символическая активность человека: вместо того, чтобы обратиться к «самим вещам», человек обращён к «самому себе»: в лингвистические формы, художественные образы, символы мифа, религиозный ритуал.

Вышеописанная ситуация говорит об обратном: современная практика демонстрирует войну с промедлением. Чем это грозит? С какой новой культурной ситуацией мы имеем дело?

С одной стороны, можно признать, что скорость — есть закономерное следствие исторического развития культуры. И гегелевское развитие «свободы», реализованное в современном обществе, становится не только кульминацией развития истории, но и определённым вызовом, проблемой. Как не вспомнить античный миф об Одиссее, в котором освобождённый от чар герой Элленорос восклицает: «Я был так счастлив, я мог валяться в грязи. А вы подвергаете снова наши тела опасностям и вынуждаете наши сердца *принимать новые решения*» [2, с. 23]. В данной фразе мы видим отчаяние и усталость человека справляться с напряжением человеческого мира, отвечать на вызовы, создавать мир каждый день заново. Очевидно, рост и развитие информационного поля культуры, ведёт к интенсификации интеллектуальной активности субъекта, а установки генерировать мир снова и снова, осуществляя открытия, инновации, прорывы, реформы подвергает субъекта высоким когнитивным нагрузкам. Воздействия на человека информационной среды в её количественном, лавинообразном прогрессе непременно сказываются не только на его здоровье, но и формируют новые социальные характеристики личности. Так, Г. Зиммель, размышляя о жизни в больших городах, описал человека, в котором отчуждённость, ментальная перегруженность обилием социальных контактов, а также притупленность восприятия различия (вещей), их ничтожение и нивелирование становятся объективно узнаваемыми и фиксируемыми социологами чертами личности [7].

Всё вышеописанное говорит о современном состоянии культуры как переходности, утраты границ и определённости. И такое пограничное состояние свободы и несвободы является одновременно счастьем и болью, благословением и проклятием. Ибо неведение и бессилие создаёт в культуре крайне неустойчивые и тревожные ситуации и вся жизнь превращается в привычный режим неопределённости. Но есть в этом и свои положительные эффекты, произрастающие из установки, что именно на грани бытия и небытия рождаются новые смыслы культуры, как вызов, который принимает и решительно отвечает человек. Бегство от свободы, ответственности, чуда есть угроза тоталитаризма. Но мы знаем, что логика культуры — логика творения, свободы, логика парадоксов и диалога. В данном случае, несовпадение жизни и творчества в истории прошлого (Возрождение) являло собой благоприятное время для озарения, самокритики во всей её парадоксальной непредсказуемости.

Искусство как памятник и хранитель переживаний эпохи объективирует в произведении как «существо – ощущение» [6, с. 271], закрепляет в своих художественных формах и опыте перцепции реальность, которая не воплощена в вербальных знаках. Интуиции и символы искусства, которые обладают с одной стороны пронзительным художественным образом, с другой стороны, не всегда фиксируют однозначность и предметную определенность своего послания. Поэтому обращение к искусству открывает возможность рассмотреть смысл художественного послания как своеобразный документ эпохи, летопись времени, фиксирующую пульс и дыхание его ритмов и остроту его чувств, особую тематику размышлений и умонастроений. Увидеть актуальное произведение — это заглянуть в себя как в зеркало, без прикрас и предварительного разъяснения.

Искусство, которому изначально характерно существование на грани бытия и небытия, творчество как созидание мира из ничего, обнаружение сокровищ и выведение его из укрытия на свет [12]. В этом значении искусство как форма созидания культуры всегда осуществляет ценностную функцию определения и установления границ и пределов, их пересечение и разрушение, экспериментального прорыва и сохранения традиции. В оппозициях высокого и низового, нового и старого, подлинного и имитированного в их диалектическом пересечении как в тигле противоположностей сил, интенсивностей перцепции и средств выразительности осуществляется искусство. Музыкальная культура европейского континента не может быть отделена от мироощущения эпохи, и её откровения звучат порой пронзительнее и красноречивее, чем многие вербальные тексты.

Признаки энтропии, которые сегодня пропитывают глобальный социальный мир, а также утрата институций как инстанций норм социальных изменений [11, с. 13–14] на уровне творческого мышления выражена апатией, растерянностью, иногда противоречивостью и поиском новых опорных точек. Трансформации, которым подвержены сегодня многие институции, не прошли и мимо музыкальной культуры. Сегодня искусство выходит за границы своих функций быть мимезисом, источником перцепций в области концепций [8]. «На трансдисциплинарных позициях сегодня усиливаются социально-гуманитарные дискурсы, разворачивая общество к переоценке ценностей, к рефлексии и принятии решений» [1, с. 184]. З. Бауман, говоря о разжижении мира, подчеркивал, что ему можно придать любую форму и при

этом сложно её удержать. Музыкальная культура сегодня в панда баумановскому времени представлена разнообразно, разноколейно и разнонаправленно в своих музыкальных формах, антиформах, перформанс — в моментах, коллажах и репетиционной музыке, и многом другом. Многоголосица и звуки окружающей городской среды, не позволяющие казаться музыкальными тонами, но шумами; переключки в эфире разных радиоволн, эксперименты с компьютерными программами, заменяющими творчество и вдохновение, отдаленные математическому расчету и аналитике. Всё это иллюстрирует огромный глобальный музыкальный мир, представляющий мозаику образов, отрезков и периодов времени, их пересечение и мимолетность, математический расчет и абсурдность, тишину затянувшейся паузы и просчитанную серию.

Черты неопределенности можно проиллюстрировать на примере алеаторических опытов, в которых границы текста «хаотизируются» и утрачивают общепринятые регламенты, приводя к индивидуализации систем нотации у Дж. Кейджа, К. Штокхаузена, игре случайности у П. Булёза. Несмотря на то что данные эксперименты европейской музыкальной культуры осуществлялись в середине XX в., мы не можем не связать данный факт с современной реальностью XXI в., понимая, что музыкальное мышление не всегда идёт в ногу со временем, а порой его опережает, продумывая и озвучивая то, что только будет в будущем воплощено как реальность. В качестве примера можно отметить неопределенность как принцип в работах Эрла Брауна, воплотившего идею открытой формы. Так, в 1952 г. композитор выбирает в качестве графической записи не традиционную нотную запись, а линии и прямоугольники разных размеров и плотности нарисованных линий, которые имитируют громкость, длительность звучания. При этом сам исполнитель выбирает как их читать. Такое намерение продиктовано импровизацией, абсолютной свободой в творческом воплощении замысла.

Поиск и стремление нащупать истину направлял композиторов на развитие новых художественных установок. Изобретаемые музыкальные форматы демонстрировали осведомленность и освоение музыкантами новых пространств художественной выразительности и выработки неожиданных приемов. Но парадоксальным образом всё новое, как можно заметить, реализовывалось как разрушение традиции, отказ от устойчивости, от устоявшихся гармонических субординаций, ладового тяготения, мажора — минора, а также

многих других устоявшихся позиций, включая эксперименты с классическими формами и жанрами, вплоть до разрушения традиционных стандартов публичного взаимодействия публики и исполнителя. И в этом намерении проглядывается поиск альтернативных начал настоящему. Но как все новое, получив свою актуализацию и подтверждение в культуре, оно укореняется и становится традицией, нормой. И сегодня тенденция искусства в целом такова, что она, в пандан «текучей современности», требует новой скорости изменений, обновления музыкальных средств композиции. Намерение удивлять, шокировать, обескураживать стало самодовлеющим трендом, а вереницы стилей не успевают отлиться в идентифицируемую форму, поэтому каждое произведение является исключительным и уникальным.

Что касается восприятия искусства, то здесь фактор скорости имеет огромное значение. В реестр понятий современной культуры вошёл и укоренился пресловутый «клипированный взгляд», в котором подчеркивается мимолетность, мгновенность, скорость переключения восприятия и удержание внимания только на мельчайших мгновениях времени. Взгляд мечется, прыгает с одного предмета на другой, не может ни на чём остановиться. Серфинг кадров, сцен, быстрое переключение и промотка треков и т. п. как никогда иллюстрируют состояние лёгкости «текучей современности», необременённой тяжестью и постоянством, углублением и очерчиванием границ территории, отобранной для своего присутствия. Такая быстрая смена событий упускает из своего всеохватывающего, скользкого по поверхности обзора дополнительные измерения: глубину, фактуру, смысл, связи и цели. Симултантный бег в производстве расфокусированного удовольствия отражает, на наш взгляд, отчаяние и пустоту, желание жить налегке, без усилий и раздумий, обрести новые возможности, которых не имеешь. Именно в этом желании и видит З. Бауман объединение людей в массы, группы, классы. Наличие возможностей разделяет людей и, наоборот, их отсутствие — предпосылка к омассовлению.

И в этой связи актуальным становится не только восприятие современного контента, рождённого на территории музыкальной Европы XXI в., но переосмысление и реконструкция недавнего исторического прошлого в части аналитики и рецепции творчества композиторов. Так, в канун годовщины памяти Д.Д. Шостаковича в 2020 г. мы снова обращаемся к великому художнику, как возможности дешифровать и герменевтически

осмыслить его тексты и биографию, эпоху и события, в тигле которых вершились музыкальное время композитора. Реставрация наследия Д.Д. Шостаковича сегодня получает новые векторы развития. И в числе значимых линий развития можно отметить «двуосмысливание» музыки композитора: возможность выделить неоднозначность осмыслений, их множественность, которая, в частности, была продиктована сталинским периодом и трагическим двоемыслием художника, мыслящего себя в контрверзе с эпохой и временем. Как замечает Е.Я. Бурлина, Шостакович жил во времени, «был одинок в пространстве собственной эпохи и опережал её» [4, с. 77]. Политизированность труда, о котором писал П. Вирно [5, с. 59], и творчества, добавим мы, создавало двойные стандарты в эпоху социалистического режима в СССР. И зная обстоятельства исторического периода, мы можем понимать, что в музыке упакованы, как мы уже отмечали в исследованиях [9], смыслы, которые не совсем совпадают с её настоящим, но нередко пронизательно и точно озвучивают то содержание, которое не продумывается, но переживается интуитивно. Музыка, таким образом, как сейсмограф культуры и её исторического мироощущения, нередко выступает важным документом эпохи, позволяющим исследовать и свидетельствовать о сознании, мышлении композитора. Ввиду того что мир не есть простая констатация фактов, и не простая наличность всех существующих вещей, но и, главным образом, *горизонт событий* [10, с. 5–6], не существующий вне человеческого сознания, то данный тезис позволяет нам исследовать и высматривать сущность, отделяя её от простого описания фактов.

Итак, мы сегодня переживаем «время текучей современности», которое нашло своё выражение не только как концепт в социальной теории Баумана, но и как перцепт, воплощённый в практиках и оптиках искусства. Такое текучее время есть переходный период, двоеосмыслимое состояние культуры, которая устремлена через свою энергию скорости к концептуальному разрешению и обретению новых границ.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. «Динамическое теоретизирование» З. Баумана: критическая оптика или поиск жизненных стратегий? // *Философия науки и техники*. – 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 182–191. [Bagdasaryan NG, Korol MP. "Dynamic theorizing" by Z. Bauman: critical optics or the search for life strategies? *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2016;21(2):182-191.

- (In Russ.)). <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2016-21-2-182-191>.
2. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. Ю.В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с. [Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. Transl. from Engl. Yu.V. Asochakova. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Piter; 2008. 240 p. (In Russ.)]
 3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. 502 с. [Bakhtin MM. Voprosy literatury i estetiki. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1975. 502 p. (In Russ.)]
 4. Бурлина Е.Я. Художник и власть: хронотоп двоемыслия и двусмысливания // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — Т. 1. — № 1. — С. 112–115. [Burlina EYa. An artist and power: chronotype of doublethink and two senses of culture. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2015;1(1):112-115. (In Russ.)]
 5. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с франц. А.Г. Петрова. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015 — 144 с. [Virno P. Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni. Transl. from French A.G. Petrov. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 144 p. (In Russ.)]
 6. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с франц. С.Н. Зенкина. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с. [Deleuze G, Gvattari F. Chto takoye filosofiya? Transl. from French S.N. Zenkin. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint-Petersburg: Ale-teyua; 1998. 288 p. (In Russ.)]
 7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь [интернет] // Логос: литературно-философский журнал. — 2002. — № 3. [Zimmel' G. Bol'shiye goroda i dukhovnaya zhizn' [Internet]. *Logos: literaturno-filosofskiy zhurnal*. 2002;(3). (In Russ.)]. Доступно по: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>. Ссылка активна на 21.04.2020.
 8. Кошут Д. Искусство после философии / пер. с англ. А.А. Курбановского // Искусствознание. — 2001. — № 1. [Koshut D. Art after philosophy. Translated from Engl. A.A. Kurbanovskiy. *Iskusstvoznaniye*. 2001;(1). (In Russ.)]
 9. Петина М.А. Темпоральность музыки: социальные и культурно-философские основания музыкальной культуры XX века. — Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. — 186 с. [Petinova MA. Temporal'nost' muzyki: sotsial'nye i kul'turfilosofskie osnovaniya muzykal'noy kul'tury XX veka. Samara: Samar. gos. tekhn. un-t; 2016. 186 p. (In Russ.)]
 10. Романо К. Авантюра времени / пер. с франц. Р. Лошакова. — М.: РИПОЛ классик, 2017. — 220 с. [Romano K. Avantiyura vremeni. Transl. from French R Loshakov. Moscow: RIPOL klassik; 2017. 220 p. (In Russ.)]
 11. Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 6–11. [Turen A. Sociology without societies. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2004;(7):6-11. (In Russ.)]
 12. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова. — М.: Академический Проект, 2008. — 528 с. [Khaydegger M. Istok khudozhestvennogo tvoreniya. Transl. from German A.V. Mikhaylov. Moscow: Akademicheskii Proyekt; 2008. 528 p. (In Russ.)]

■ Информация об авторе

Марина Александровна Петина — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: shloss@yandex.ru.

■ Information about the author

Marina A. Petinova — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: shloss@yandex.ru.